

Буклемишев. Коллеги, друзья, товарищи, сегодня у нас 94-е заседание диспут-клуба АНЦЭА. То есть мы неумолимо приближаемся к сотне. Сегодня, мне кажется, у нас очень интересное мероприятие ожидается. У нас очень необычные в каком-то смысле участники. Это Валерий Федорович Пахомов, который долгие годы преподавал у нас на факультете и был еще моим профессором какое-то время назад. Сейчас я очень рад его видеть здесь и приветствовать. Вообще Вы математик, Валерий Федорович, правильно?

Пахомов. Ну, по образованию математик.

Буклемишев. По образованию – да. Вот, кстати, второй наш участник - Михаил Иванович Крутихин, которого тоже прошу любить и жаловать. Замечательный эксперт по энергетической отрасли, руководитель компании, агентства RusEnergy. Михаил Иванович пришел в экономическую политику с другого немножко угла – с угла журналистики, если я правильно понимаю.

Это означает, что экономическая политика объединяет самых разных людей. Эти люди сегодня готовы с вами поделиться своими знаниями об исключительно важном вопросе экономической политики для нашей страны, а именно цены на нефть и будущей конъюнктуры, будущего состояния, будущего вообще нефтяного рынка. В вопросах диспуту, мне кажется, сформулированы довольно интересные развилки. И эти развилки мы сегодня от наших уважаемых гостей... надеемся, они нас проведут по этому страшному лабиринту.

Я напоминаю особенно для наших участников и для всех вас наш регламент. Оба наших участника сегодня впервые здесь. По 20 минут сначала мы заслушаем презентации каждого из участников диспута. Начнет Валерий Федорович, потом Михаил Иванович продолжит. По окончании выступления Валерия Федоровича два коротких вопроса задаст Михаил Иванович, Валерий Федорович даст на них краткие и исчерпывающие ответы. После чего все перевернется, Михаил Иванович 20 минут выступит, Валерий Федорович задаст ему два коротких вопроса. После чего мы дадим слово аудитории, и вы сможете задать интересующий вас вопрос, представившись и назвав, откуда вы, одному или обоим участникам сегодняшней дискуссии. И совсем уже в конце нашего заседания сможете выступить, высказать свое мнение по данному животрепещущему вопросу. Мы на это время всегда оставляем – то, что у нас хронометраж не досчитал до двух часов ровно, поэтому поделим это время поровну на всех желающих выступить.

Вот как мы будем работать сегодня, как и всегда. Мы готовы начинать. Валерий Федорович, Вам слово.

Пахомов. Я начну наше заседание или диспут с коротенького обзора основных факторов, влияющих на ценообразование в нефтяном секторе мировой экономики. Очень краткий обзор.

Первый и такой довольно серьезный фактор – это конъюнктурные циклы, которые вызывают значительные колебания цен. В чем они заключаются? В общем, экономистам более-менее понятно, что если высок спрос на нефть, если превышение спроса над производством нефти, то цены на нефть начинают резко расти, что привлекает инвесторов в этот сектор. Начинается цикл от разведки до производства нефти. Он не короткий, как правило. Раньше было лет десять, потом семь, пять... Сейчас немножко тут поменялась ситуация. Ну неважно, об этом чуть позже.

Это сильное инвестирование ведет к тому, что добыча нефти начинает резко расти. И в конце концов получается так, что, поскольку процесс этот длительный и цены высокие,

инвесторы деньги вкладывают, вкладывают, вкладывают, потом оказывается, что уже спрос удовлетворен, а последние вложения все дают и дают увеличение производства нефти. Поэтому предложение начинает превышать спрос, что, соответственно, ведет к падению цен на нефть, инвестиционная привлекательность снижается. Но зато из-за того, что цены на нефть низкие, многие из потребителей нефти начинают ее потреблять в больших количествах. Кроме того, появляются вообще новые потребители и т. д., целые отрасли резко начинают потреблять нефть. Ну и, соответственно, резко начинает расти спрос.

Далее, в какой-то момент спрос начинает превышать предложение, ну и т. д., все повторяется. Это один из факторов, очень важный фактор, особенно в связи с высоким потреблением, которое возникло уже в XX веке. Если раньше этот фактор был мало заметен, то во второй половине эти циклы очень хорошо видны.

Дальше монетаристское управление. Поскольку понятно, что эффективно экономика может расти, только если хорошо развита финансовая сфера и финансовые инструменты, то, конечно, максимальный рост начинается там, где они работают. Но когда такой достаточно свободный доступ к финансам, то легче получать инвестиции, а также легче создавать всякие «пузыри» и прочее. Создается еще много деривативов и всяких бумаг. В общем, на самом деле теряется ориентир в сфере финансов, и становится непонятна стоимость многих активов.

Примером можно привести тот самый строительный бум в Штатах и ипотечный кризис, когда банки давали кредиты, строения числились на балансе банка, по несколько сот тысяч и т. д., до миллионов, в зависимости от того, какие строения. Потом вдруг все это начинает рушиться, и, соответственно, эти активы, под которые банки брали кредиты в центральных банках и т. д., обесцениваются, и понятно, что происходит – этот «мыльный пузырь» лопается.

То же самое происходит и в нефтяном секторе. Если деньги становятся легкими, то инвестиций делается больше, что в результате ведет к увеличению... И, соответственно, падение бывает довольно сильное. Это вызывает увеличение амплитуды этих колебаний, что тоже заметно по статистике, если смотреть мировую статистику.

Далее. В основном те сорта нефти, которые являются как бы ориентирами в ценообразовании, эталонные сорта типа Brent, WTI, Dubai и т. д., они котируются в долларах. Поэтому, естественно, инфляция доллара вызывает рост цен в долларовом исчислении. Скажем, инфляция доллара в США примерно 2% в год, поэтому этот рост на 2% в год, который за год, может быть, не так заметен, а за десятилетие, за 20 лет довольно существенно сказывается, – то, что обеспечивает постоянный рост цен на нефть.

Наконец, важные факторы из тоже таких же физических, географических, геологических. Это количественное и качественное изменение мировых запасов. Понятно, что ресурс исчерпаемый, и при таком активном потреблении нефти, которое шло в XX веке, особенно в его второй половине, основные запасы быстро исчерпались. И те запасы, которые и сейчас подтвержденные, они, во-первых, как правило, содержат либо тяжелую нефть, либо это труднодоступная нефть, либо запасы мелкие и их добыча нерентабельна. Как у нас, например, довольно много запасов в Восточной Сибири, когда там 10–15 даже миллионов тонн нефти запасы, но трубу надо проложить чуть ли не на 1000 километров, и это уже делает проблематичным вообще разработку этого месторождения в настоящий момент. Так что этот фактор тоже влияет на цены на нефть – ухудшение качества и уменьшение запасов.

Кроме того, в мире происходит перераспределение. В одних странах заканчиваются практически запасы, в других увеличиваются. Например, сейчас самые большие запасы в мире имеет, кто бы вы думали... Большинство считают, что Саудовская Аравия. На самом деле - Венесуэла. Но нефть в Венесуэле совершенно другая, добывается тяжело, себестоимость высока, и добываться она будет еще очень долго. А в Саудовской Аравии нефть другого качества, себестоимость добычи невелика, запасы очень большие. Но ясное дело, что их хватит на меньшее время, чем в той же Венесуэле.

Современные технологии. То, что еще в середине прошлого века было очень труднодоступно, например, во многих месторождениях скажем, краевые участки, где мощность пласта невысокая, и вообще целые месторождения с небольшой мощностью пласта, они были трудно разрабатываемые, потому что пробурить вообще скважину и попасть в такой пласт – это было очень сложно. Сейчас же технологии позволяют сделать многое. Во-первых, на стадии геологоразведки делается сейсмика, и благодаря хорошему математическому обеспечению, разработанному нашими в основном математиками, кстати, под руководством Тихонова, и благодаря хорошим компьютерам, которые не наши создали, можно создать модель месторождения, то есть понять вообще, где как пласт устроен. И дальше благодаря навигационным системам, которые используются при современной бурении, можно попасть в такие вообще уголки пласта, куда раньше попасть можно было разве что случайно с вероятностью близкой к 0,001. Если раньше было такое понятие в бурении даже как успешность бурения, то сейчас успешность практически стопроцентная, потому что, когда бурят, уже знают, куда бурят и как будут бурить. Соответственно, это позволяет улучшить технологии разработки, схемы разработки месторождения и позволяет оптимизировать процессы.

Дальше. Появляются возможности добычи совершенно новой нефти, которую раньше не добывали, те же самые тяжелые нефти, как в Венесуэле, пески в Канаде, сланцевые нефти, это совершенно новое... Сейчас даже говорят о сланцевой революции. Ну, говорят, наверное, гораздо больше, чем она того заслуживает. Но это совершенно новая вещь, потому что сланцевая нефть – это как бы такая незрелая еще нефть, она находится в таких достаточно сложных пластах, где очень высокая плотность, как правило, и добывать ее традиционными способами было практически невозможно. Сейчас ее добывают. Для этого строятся горизонтальные скважины, делаются гидроразрывы пластов, площадь активной поверхности, с которой извлекается нефть, увеличивается, и нефть мгновенно выкачивается.

Вот, кстати, очень интересный фактор. Приходится закачивать достаточно большое количество воды, зачастую достаточно большое количество кислоты, в зависимости от того, какова среда, в которой находится нефть. Но при этом после всех этих операций скважина дает очень большой дебит, то есть добыча идет сильная. Но сами понимаете, что есть у вас какой-то активный сектор, откуда добывается эта нефть, то больше, чем там ее есть, вы не добудете. Поэтому если добыча сразу же резко-резко возрастает, то дальше она резко падает. И получается так, что для того, чтобы, скажем, добывать сланцевую нефть, в Штатах скважины бурятся тысячами просто. Конечно, если цена на нефть достаточно высокая, они окупаются быстро. Но стоит только тормознуть этот процесс, как сразу же пойдет сильное падение добычи нефти с соответствующими последствиями. Собственно, что сейчас всю и работает.

Теперь факторы, которые, наоборот, действуют в сторону понижения цены на нефть. Это энергосберегающие технологии в первую очередь, про которые, наверное, мне даже рассказывать не нужно, все с этим знакомы. Если раньше стоял компьютер БЭСМ-6,

который потреблял бог знает сколько, то сейчас он размеров с кейс и потребляет почти что ничего. То же самое можно сказать про многие другие технологии.

Но здесь есть некая ограниченность. Дело в том, что можно поменять технологии, но чаще всего это связано с тем, что физический процесс, скажем, требует определенное количество энергии, но коэффициент полезного действия механизма, который его осуществляет, невысок. Вот можно действовать в сторону повышения КПД этого механизма, но тут все ограничено тем, что есть законы сохранения энергии. Если, скажем, нужно сделать химическую реакцию, то вполне определенное количество все равно нужно, ниже не используете.

Замещение нефти и газа как энергопродуктов. Много сейчас говорят о том, что идет резкое замещение. Оно, конечно, действует в сторону нефтесбережения и поэтому действует на понижение цен на нефть. Но насколько велики масштабы этого замещения? Я приведу в качестве примера ту ошибку, которую регулярно встречаю. Говорят, сейчас будет производиться гигантское количество электромобилей и, соответственно, бензин будет не нужен, поэтому нефти не нужно будет так много.

Во-первых, электромобили работают на электричестве, электричество вырабатывается на электростанциях, а электростанции, я не знаю точно, но где-то порядка 70–80% работают на углеводородах. Вдобавок ко всему если учесть еще эти КПД, то выясняется, что затраты на эту электроэнергию, если используются нефтепродукты, выше, чем просто непосредственно двигатели внутреннего сгорания. Ну хорошо, там есть ветряки, есть использование приливов, солнечная энергия и т. д. Все это тоже хорошо работает. Но, во-первых, пока себестоимость такого электричества, как правило, достаточно высока. И это мы говорим только об использовании нефти для создания тепла, для теплоэнергетики. Ну хорошо, этот электромобиль использует электричество, пусть питается от ветряка, но у него есть колеса, на которых нужно ездить, и он должен ездить по асфальту. И то, и другое создается как раз с помощью нефти. Так что не так уж силен этот эффект замещения, и страшно подумать, что будет тогда, когда вообще нефть практически исчерпается. Так что нефть как сырье для химической промышленности – это тоже очень важный фактор в мировой экономике.

Вот собственно такой краткий обзор из таких физических и экономических факторов я перечислил. Дальше, естественно, говорить о политических факторах.

Понятно, что всякие кризисы, типа нефтяного кризиса, они играют очень важную роль в политических процессах, которые происходят в мире. Я думаю, что к этому мы вернемся, и конкретно на цифрах можно будет все показать там и сказать, что и как. Всегда смеются, говорят: «Да ну, все это теории заговоров». Но я хочу сказать, что любой человек должен понимать, что если есть ситуация, которой можно воспользоваться и как-то получить конкурентные преимущества в экономике, то странно было бы, если бы этим не пользовались. Поэтому когда складывается критическая ситуация, говорить о том, что не будет никакого заговора, просто смешно. Но в каком смысле только понимать заговор? Естественно, кого-то вытолкнуть с какого-то рынка, занять его место и т. д. – это святое дело во время всякого кризиса. Так что этот фактор тоже играет роль.

Остальное уже, то, что касается непосредственно прогнозов и прочих вопросов, я думаю, мы можем обсудить уже конкретно с цифрами и с чем-нибудь другим в процессе дискуссии. Я просто сделал вводную часть, рассказал про основные факторы, которые влияют на ценообразование.

Буклемишев. Будет что-то - еще, Валерий Федорович?

Пахомов. Как раз я говорю, что у меня сейчас времени мало уже осталось...

Буклемишев. Да, две минуты.

Пахомов. Поэтому я хочу, когда будут ответы на вопросы, соответственно, сказать там, сколько, и как, и что.

Буклемишев. Оставьте это на вопросы. Хорошо.

Пахомов. Хорошо, я скажу про сланцевый бум и то, что сейчас происходит... Соединенные Штаты потребляют нефти порядка 800 миллионов, ну, 850, до 900 с лишним доходило... В общем, под миллиард тонн в год. Весь мир потребляет порядка 4,5. То есть представляете, да? Соединенные Штаты потребляют порядка 20% нефти в мире.

Дальше. Производят они при этом... Раньше они производили (вот я добычу себе выписал) порядка 300–350, потом почти до 400 дошли, в 2013 году почти до 450 миллионов тонн в год. В 2014 году они переплюнули Россию, они уже вышли за 500 миллионов тонн благодаря вот этой самой так называемой сланцевой революции. То есть благодаря тому, что резко нарастили добычу сланцевой нефти. Но если посмотреть на запасы, то доказанные запасы Соединенных Штатов на настоящий момент составляют порядка 5 миллиардов тонн нефти. Запасы в России составляют порядка 11 миллиардов тонн нефти, традиционной нефти. А если говорить о сланцевой нефти, то в России порядка... Это последние данные, которые я считал с энергетического агентства Соединенных Штатов. 75 миллиардов баррелей. 7,3 барреля – это примерно 1 тонна. Так что делите на 7. Порядка 10 миллиардов тонн еще сланцевой нефти в России. В Штатах порядка 48 миллиардов баррелей. Поделите на 7. Сколько там получается? Порядка 7 миллиардов тонн. В России порядка 10, а тут порядка 7. В Китае 32, в Аргентине 27, в Ливии 26 миллиардов баррелей сланцевой нефти. Не такие уж большие запасы. А если посмотреть на прирост потребления, то даже в те годы, когда среднегодовая цена на нефть в 2011–2012 году была 111 с лишним долларов за баррель, в это время в Соединенных Штатах потребление росло примерно со скоростью до 54 миллионов тонн в год. Мировое потребление практически с такой же скоростью, потому что, конечно, Штаты потребляют больше всех и все это сказывается именно так.

Теперь посмотрим, добыча в Соединенных Штатах прирастает со скоростью порядка 13–14 миллионов тонн в год. В 2014 году у меня нет статистики, я думаю, что, наверное, больше. Но потребность растет еще быстрее. И мировая потребность – это тоже порядка 50 миллионов тонн в год прирост. Просто при обычном росте добычи нефти, а это тоже порядка 50 миллионов тонн в год, эти самые 100 миллионов, о которых там говорится, что Соединенные Штаты нарастят добычу, они покрываются за два года. А через два года эти запасы сланцевой нефти, которые сейчас разбуриваются, так сказать, сливки уже будут сняты. И, естественно, думаю, предложение будет ниже спроса. И цена на нефть может рвануть вверх.

Все зависит от того, как себя поведут эти страны. Например, если Саудовская Аравия, как везде говорят, будет долго удерживать цену на низком уровне... Я совершенно не понимаю мотивировку, когда они говорят «чтобы задушить сланцевую революцию в Штатах». Потому что ну хорошо, пока она низкая, да, они не будут вкладывать, но дальше запасы... Уже даже на Северном море, где добывают Brent, одну платформу остановили, в Норвегии добыча останавливается... Короче говоря, добыча снижается, тот самый конъюнктурный цикл. Для того чтобы ликвидировать вот это все, два года нужно. Если спрос в среднем все равно растет на порядка 50 миллионов тонн в год, то через два года все это будет уже перекрыто.

Ведущий. Понятно, то есть на два года счастье?

Пахомов. Нет, если цены будут низкими. Но при этом дальше-то они рванут сильно. Но можно поддерживать цены не низкими, а умеренно низкими, скажем, где-нибудь между 70 и 80 долларами за баррель. Их можно держать довольно долго, потому что это та цена, при которой снимать сливки с месторождений сланцевой нефти можно, но разбуривать сложные участки никто не будет. И такого резкого прироста добычи нефти не будет, он будет идти довольно маленькими темпами. Тогда умеренные цены могут продлиться долго, лет пять, может быть, шесть.

Ведущий. Понятно. Спасибо, Валерий Федорович. Михаил Иванович, вопросы Ваши.

Крутихин. Я даже не знаю, особенно что спрашивать, поскольку это было описательное выступление, а не полемическое. И цифры тоже были как бы констатирующие, а не то, с чем можно особенно поспорить.

Но я не очень понял соотношение разнонаправленных факторов, какие из них окажутся сильнее, какие окажутся слабее. Это первый, в общем-то, вопрос. Можно было бы как-то оценить.

И второе. Я заметил много ошибок в описании явлений, связанных со сланцевой революцией и сланцевой нефтью. Во-первых, сланцевая нефть – это не какая-нибудь там необычная нефть, которую трудно добывать. Это самая обычная нефть, каких много и в традиционных залежах. Это порода вокруг нее несколько необычная для разработки.

И еще. В России, оказывается, у нас много-много-много сланцевой нефти. Но с этим я категорически не согласен, поскольку нефть, которую здесь мы называем сланцевой, это просто трудноизвлекаемые запасы. Это не сланцевые в основном породы, а породы типа, например, баженской свиты, которые не относятся к сланцевой нефти. А в ней сосредоточен основной объем трудноизвлекаемых запасов России. А рассчитывать на то, что ее можно будет разработать – это, по-моему, несколько наивно и вряд ли произойдет. Через два года, вы говорите, не будет больше сланцевой нефти в Америке, да? Вот с этим я категорически не согласен.

Пахомов. Нет, не сказал.

Крутихин. Нет, ну что она кончится, что хорошее там пройдет...

Пахомов. Сливки снимут.

Крутихин. Да, да, сливки снимут. Может быть, стоит почитать очень хорошую книгу моего доброго друга Коли Иванова, который написал книжку «Сланцевая Америка». Там, по-моему, довольно убедительно на цифрах показано, что это еще ждать нам и ждать, и ждать, пока что-нибудь там кончится. Поэтому я не буду сейчас приводить все его аргументы, но с Вашим вот этим кейсом я совершенно не согласен.

Буклемишев. Кратко, пожалуйста.

Пахомов. Да, кратко. Я не путаю традиционную нефть и сланцевую. Это совершенно разные вещи. Во-первых, сланцевая нефть все-таки не традиционная нефть, а это немножко «недонефть», это недозревшая. И находится она действительно в сложных пластах. Чаще всего это пласты типа известняковых, где обычными способами, скажем, типа заводнения, когда водой вытесняют эту нефть, вы не поработаете, поэтому там делаются как раз вот эти мощные гидроразрывы, такие глубинные.

Что касается наших запасов, что такое бажендовская свита я тоже знаю, геологией я довольно много занимался, уже 15 лет, наверное, работая в ТНК, в Газпромнефти. Это нечто иное. Речь идет именно о запасах сланцевой нефти. Дело в том, что мы знаем, где она находится, запасы в основном у нас посчитаны геологические. Ну вот американцы оценивают наши запасы по сравнению со своими в 75 миллиардов баррелей. Я могу даже это показать. Это совсем недавние сведения, которые опубликовал ЕИА, такой известный департамент в Штатах, который занимается этими самыми вопросами топлива и энергетики. Так что это не совсем так. То, что я говорю, за это я ручаюсь.

Трудноизвлекаемая нефть – это немножко другое. Действительно у нас полно трудноизвлекаемой нефти по разным причинам. Так скажу, потому что не все занимались нефтью... Нефть бывает самой разной, в том числе ее можно добывать шахтным способом с помощью отбойных молотков, как в Коми АССР во время войны добывали нефть. И такая бывает нефть. Бывает нефть как на Русском месторождении, тяжелая нефть, там в 50 миллионов тонн оценивались запасы, но никто не брался его разрабатывать, поскольку там всякие методы типа тепловых методов и прочие не работали. Но сейчас уже появились технологии, как ее можно разжижать. Как раз примерно то же самое, как и со сланцевой нефтью. Так что я это учитывал, когда говорил.

Буклемишев. Про соотношение факторов второй вопрос был.

Пахомов. Соотношение факторов. Это вопрос сложный. Я думаю, что в разное время разные факторы влияют. В одно время одни факторы сильнее, в другое время – другие. Например, 2008–2009 годы на нефтяном рынке никаких потрясений не было, финансовый кризис, ипотечный как раз вызвал то, что, соответственно, вся мировая экономика затряслась и цены на нефть тоже рухнули. Но не так уж сильно, не так уж глубоко. Теперь вот эти факторы с трудноизвлекаемой нефтью, они являются теми факторами, которые не позволяют ценам на нефти упасть очень низко. Потому что действительно очень большая часть из добываемой сейчас нефти низкорентабельна, и ее себестоимость очень высока. Поэтому, как только цена на нефть падает, эти месторождения перестают что-либо давать. Соответственно, цена дальше упасть не может, потому что спрос уже не удовлетворяется в такой же степени, как перед этим было.

Ну, я не знаю, это уж каждый может судить по-своему... Могу точно сказать, что уменьшение мировых запасов, как количественное, так и ухудшение качественное, ведут, наверное, довольно сильно к повышению цены на нефть. И если смотреть на перспективу лет через десять, через 20–30 лет цена на нефть будет очень высокая.

Буклемишев. Спасибо. Михаил Иванович, Ваши 20 минут.

Кругихин. Мне очень приятно снова бывать на экономическом факультете МГУ. Я здесь не был с октября 73-го года, когда выступал последний раз. Это второе выступление, получается.

Ведущий. Велкам.

Кругихин. Я постараюсь в своем выступлении, во-первых, быть не очень описательным, постараюсь обозначить проблемы и, может быть, даже какие-то тенденции на будущее. И пять вопросов, которые здесь сформулировали для диспута, я думаю, это прекрасный план того, как можно построить свое выступление.

Ну вот посмотрите, первый вопрос: «Станет ли низкий уровень нефтяных цен "глобальной катастрофой"?» Я так понимаю, что цитата из Путина.

Для того чтобы сказать такие вещи, что 80 долларов за баррель приведет к мировой экономической катастрофе и к коллапсу мировой системы, надо, в общем-то, задуматься о том, что в мире не только производители нефти, но еще и потребители нефти существуют. А им-то как раз самая выгода... Вы посмотрите на низких ценах на энергоносители в Америке что происходит. Компании, которые работали в Европе, бросают свои производства и бегут в Америку, где низкие цены на газ, на нефть, и переводят туда производства. Из Латинской Америки бегут в Северную Америку, потому что там, оказывается, низкая цена на нефть и газ и там очень выгодно работать. Вы посмотрите, какие экономические показатели сейчас у Соединенных Штатов. В принципе, многие страны, которые рассчитывают на импорт нефти и газа, весьма привольно себя чувствуют в обстановке низких цен.

Теперь второе. Сланцевая революция и политические факторы. Опять здесь у нас: имеют ли место заговоры? Первый заговор, о котором всегда говорили, – это заговор Саудовской Аравии и американцев против России.

Муж. СССР.

Крутихин. Ну нет, уже против России. В декабре я разговаривал с очень известным нефтегазовым аналитиком господином Дэном Ергиним в Нью-Йорке, и он рассказывал, как ездил в Китай, и в Китае ему все китайцы говорили: «Вы посмотрите, как интересно, Саудовская Аравия с Соединенными Штатами сговорились для того, чтобы Россию погубить». Он приехал, и в очень милой компании в Нью-Йорке мы сидели и просто хохотали над этим. Он говорит: «Вы представьте себе, что Обама вызывает в Белый дом, скажем, каких-нибудь руководителей корпораций и говорит им, что им нужно делать по нефтяному делу, для того чтобы администрация преследовала какие-то политические цели». Раздался дружный хохот. Потому что представить это совершенно невозможно. Обама и корпорации, чтобы они о чем-то сговорились – это, извините, где-то на Луне, это не в этом мире.

Вторая была такая теория, что Саудовская Аравия замыслила это против Венесуэлы, чтобы погубить ее. Третья была теория такая (я ее недавно тоже изложил на семинаре в ИМЭМО), что Саудовская Аравия поняла вдруг, что эра нефти кончается, изобрели холодный дешевый термояд, и теперь нужно срочно распродавать остатки нефти, чтобы не остаться совсем уже у разбитого корыта.

Ну ладно, теории, конечно, теориями, но все-таки политические факторы, имеют ли они место? Посмотрите политику. Считаю, считаем, ну не получается найти где-то какие-то корни какого-то заговора. Политическая обстановка в мире, даже военно-политическая... Вы посмотрите, что творится в Ливии – вот-вот закроются вообще все терминалы, там идет опять новая война, да еще и с этим Исламским государством, которое неизвестно, что там сейчас, одержит победу или не одержит победу. Может быть, оттуда вообще нефть не пойдет, это опять будет какой-то кризис. А нефть вдруг – раз! – и цены покатались вниз сегодня. Это на новостях из Ливии, я так понимаю, или еще на чем-то? То есть политика, она очень мало в последнее время демонстрирует прямое отношение к тому, как развиваются цены на нефть.

Ну и в связи с этим возникает тут третий вопрос: возможны ли в этих условиях картельные сговоры и манипуляции нефтяными ценами?

Все это было возможно, и несколько раз тот же ОПЕК, который изначально создавался как картель, он манипулировал нефтяными ценами, было это в 73-м году, было

это в 2000 и в 2002 годах, было в 2008 и 2009 годах. То есть путем сокращения добычи вызывалось искусственное повышение цен.

Но в данном случае, сейчас, в наше время, судя по всему, до саудовцев дошло, что они не могут это сделать сейчас. То есть вдруг сегодня поступили сообщения, что в Саудовской Аравии экспорт нефти сократился с 9,6 миллионов баррелей в сутки до 7,6. То есть на 2 миллиона баррелей в сутки сократился экспорт саудовской нефти. Что сделала нефть? Подорожала? Нет, подешевела. То есть даже путем сокращения на очень серьезную величину своего экспорта Саудовская Аравия с рынком сейчас ничего сделать не в состоянии. Мы видим, что несмотря на то, что в Соединенных Штатах сокращается число буровых установок, объем добычи нефти увеличивается. Вот самое интересное, что происходит сейчас. И говорить о том, что там сейчас снимают сливки... Ну, я не знаю, как это говорить.

Появилась новая реальность. Если прежние традиционные методы добычи нефти были связаны с очень серьезными капиталовложениями в начале цикла, надо было вложить миллионы, а иногда и миллиарды долларов, прежде чем дожидаться через 7, 10, 12, а иногда и 15 лет того, что эти капиталовложения окупятся. Сейчас как со сланцевой нефтью в Америке произошло? Говорят, что у сланцевой нефти есть два родителя, папа и мама. Папа – это господин Митчелл, который соединил горизонтальное бурение с гидроразрывом пласта. Сначала он для нефти это рассчитывал сделать, потом выяснилось, что и газ очень хорошо добывается.

И второй родитель у этой революции – это тетя Агата, как я говорю. Меня спрашивают: «Какая такая тетя Агата?» Я говорю: «Представьте себе, что бабушка в Америке владеет несколькими акрами земли, но по американским законам все, что находится под этой площадью, все минеральные ресурсы, они принадлежат этой бабушке. Бабушка зовет какую-нибудь команду, бригаду для гидроразрыва пласта и горизонтального бурения и говорит: "Ребята, посмотрите, что там у меня под моими акрами, я с вами поделюсь, если что-то найдете"».

И вот очень много компаний в Америке... Ну вот представьте себе, где-то 250 более-менее крупных компаний и несколько тысяч мелких компаний по несколько скважин буквально обеспечили прирост добычи сланцевого газа и сланцевой нефти в Америке. Вот как Обама вызовет их к себе в Белый дом и скажет, что им нужно делать для того, чтобы добиться каких-то политических выгод? Я себе этого не представляю. Это очень гибкая отрасль, ей не нужно огромных капиталовложений в начале. Они вызовут эту бригаду, вызовут сначала разведчиков недр, геофизиков, они там посмотрят, профили пробьют. Потом вызовут бурильщиков и посмотрят, есть там что-нибудь или нет. И начнут спокойно бурить одну скважину за другой, одну за другой... Пробурили, скважина где-то два года хорошо работает, два месяца пусть работает хорошо, а потом она тихо-тихо доживает свой век, по-прежнему из нее выходят нефть, и газ, и все, что нужно. Они бурят новую, бурят новую и бурят новую... То есть там эксплуатационные издержки, там не капиталовложения.

И вот сейчас представьте себе, что там очень дорогое какое-нибудь производство, сложная геология, и себестоимость этой нефти в добыче вдруг вырастает так, что реализовывать ее невозможно. Они прекращают на этом месте, они идут куда-нибудь на более выгодные участки. Это во-первых. А во-вторых, как только образуется небольшой дефицит на этом нефтяном рынке, они возвращаются и начинают бурить. То есть им нужна буквально пара недель для того, чтобы вернуться к прежнему объему бурения. В Америке 1600 бригад, которые способны делать гидроразрыв пласта и горизонтальное

бурение. В Европе, к вашему сведению, всего 55 бригад. Поэтому американцы своими маленькими компаниями очень гибко могут на это отреагировать и дальше задавить все, что бросят поставлять на внешний рынок саудовцы.

Какие социально-экономические последствия для России? Судя по всему, период невысоких цен на нефть, я думаю, должен продлиться год, два, может быть, даже дальше. Хотя есть такие факторы, которые говорят, что нефть добывать становится все дороже и дороже, нефтяные компании уходят в такие сложные геологические условия как подсолевые пласты, например, в Бразилии. Они идут на глубоководье, где уже теперь подводные добычные комплексы стоят на глубине почти три километра, морской глубине, прежде чем еще два километра там пробурить и оттуда начать добывать нефть и газ. Вот такого раньше не было, это очень дорогое удовольствие. Действительно добывать нефть становится все дороже и дороже. Но технологии тоже развиваются. Поэтому кто тут раньше кого обгонит – технологии или исчерпание традиционных запасов нефти – сказать трудно.

Что можно с большей или меньшей степенью уверенности сказать – так это то, что получится в России. Ну вот посмотрите, у нас Министерство природных ресурсов и Министерство энергетики когда-то предсказывали... Было такое замечательное предсказание, что, где-то начиная с 2017 года начнется падение добычи в нынешних налоговых и экономических условиях. И если мы не будем разрабатывать трудноизвлекаемые запасы, то нефти, которая осталась в традиционных месторождениях, нам хватит еще на 17 лет. Вот такое было предсказание. Мало того, в том предсказании говорилось, что уже к 2030 году в этих условиях Россия превратится в нетто-импортера нефти. То есть нефть в России кончится настолько, что ее будет едва-едва хватать для удовлетворения внутренних потребностей, и нефть придется даже немножко закупать.

Теперь мы видим программу Правительства: налоговыми послаблениями мы добьемся того, чтобы нефть у нас стабилизировалась на уровне где-то 510–520 миллионов тонн в год. Графики красивые рисуют. На графиках добыча нефти в традиционных месторождениях идет вниз, красные пунктирчики идут ровненько-ровненько, стабильная добыча нефти. А вот белый такой треугольничек получается, и там написано: «В случае налоговых льгот». Вот я очень сильно опасуюсь, что никакие налоговые льготы не помогут нам разработать ту самую баженовскую свиту. И она составляет главную часть трудноизвлекаемых запасов, которые якобы при хороших налогах можно будет извлекать.

Дело все в том, что там геология очень сложная. Это не сланцевые породы. Сланцевые породы – можно сделать гидроразрыв пласта, сделать дополнительные трещинки, и оттуда будет дополнительный приток углеводородов. В баженовской свите, во-первых, глубина не километр, как сланцевые породы в Америке, а 4,5 километра. Это высокое давление, это очень серьезные и дорогие скважины. Во-вторых, там порода, она вообще не проницаемая. Не то что слабопроницаемая. Вы сделаете гидроразрыв – эти трещинки никуда не пойдут, по ним не будет притока новых углеводородов.

А там нефть расположена в таких пузырях или линзах, нефть очень разного качества. Попали вы в этот пузырь под большим давлением... Все-таки 4,5 километра, давление грунта какое! Оттуда нефть у вас пошла, три дня идет. На третий день у вас этот пузырь иссяк, и больше уже ничего оттуда не идет.

Вот компания «Сургутнефтегаз» занимается добычей как раз из этой баженовской свиты на 14 проектах. И руководитель компании недавно признался: потери наши уже на этих проектах составили 3 миллиарда рублей. Мы и дальше будем бурить, поскольку

руководство требует от нас, но коммерчески взять вот эту нефть невозможно. Вот в чем дело. И поэтому будете вы вводить льготы, не будете вы вводить льготы... Как говорит лукойловское руководство, на трудноизвлекаемых запасах, если мы будем их сейчас разрабатывать, себестоимость там будет 85 долларов. Сейчас, в нынешних условиях их нельзя разрабатывать. «Хорошо, – говорят, – мы сейчас пойдём на шельф, там все хорошо, на арктическом шельфе мы добудем». Минимум себестоимости одного барреля нефти на арктическом шельфе – это 150. То есть в этих условиях и туда нельзя идти, и дальше.

Вы смотрите, я не вижу пока выхода, как России хотя бы сохранить добычу нефти на прежнем уровне. Про газ я могу отдельно поговорить, но мы сейчас про нефть с вами говорим.

Можно ли ожидать радикальной структурной реформы нефтяной отрасли? Ой, тяжелый-тяжелый вопрос... Но сделать так, чтобы она была такая, как в Америке, чтобы и налоговыми льготами, и инициативой, и поощрением инициативы разработчиков каким-то образом мы добивались того, чтобы они вводили новые технологии, – нет пока такого. Налоговая система у нас чисто фискальная. Как только пошла нефть, она с этой нефти слупляет все налоги вместо того, чтобы начать их слуплять с момента получения финансового результата. То есть есть предложение изменить эту налоговую систему, но Минфин категорически против, поскольку на несколько лет это будет означать серьезные изъятия из доходов России.

Ожидать, что эти гигантские компании вроде Роснефти и вертикально интегрированных компаний вдруг перестроятся и начнут добывать нефть из маленьких месторождений... А у нас сейчас все открытия... Хорошо, 3 миллиона тонн откроют, запас какого-то месторождения – это прекрасно. Где-то лет 15 лет назад 50 миллионов тонн открывали – и ничего было. А сейчас, когда мы видим крупные открытия, то скорее всего это очковтирательство.

Так же, как это было с Савостьяновским месторождением в Иркутской области. По материалам одной скважины объявили чуть ли не полмиллиарда тонн запасов. Пробурили скважину в Карском море вместе с американцами, Роснефть пробурила. Назвали месторождение «Победа». Объявили, что там еще одна Саудовская Аравия по запасам открыта. Не испытали скважину. В декабре центральная комиссия по запасам утвердила какие-то гигантские совершенно запасы, а они не имели право это делать. То есть для того чтобы утвердить открытие, нужно представить результаты испытания скважины в разных условиях, показать размеры притока углеводородов в эту скважину из разных горизонтов и т. д. И защитить это, как диссертацию, на комиссии по запасам. Ничего этого абсолютно сделано не было. Единственное – там извлекли керны из этой скважины, и на кернах было... Знаете, как это называется? Выпоты нефти. То есть вы извлекаете тут цилиндрок этого грунта, и на нем пара капелек нефти видна. Вот сколько нефти можно добыть и какое там месторождение внизу... Без испытания всех этих вещей, к сожалению, невозможно.

Так что, когда вы читаете в газетах, что вот видите, какие грандиозные успехи, к сожалению, чаще всего это как раз получается очковтирательство. И я очень боюсь, что при современном раскладе, при современной структуре нефтяной отрасли без поощрения частного бизнеса, без поощрения иностранного бизнеса, без создания таких условий, которые гарантировали бы постоянную налоговую нагрузку на момент возмещения затрат на этот проект... В России это может только одно гарантировать. Вот у нас сидит один из авторов законодательства, соглашения о разделе продукции господин Субботин, он может по этому поводу гораздо лучше меня рассказать. Но этих соглашений только три. Они

работают и очень хорошо, кстати, работают, а остальные не пошли, поскольку наш руководитель назвал их предательством национальных интересов. С какого панталыку – никто не знает. Но создание совершенно невыносимой атмосферы в нашей отрасли для инвестиций, что для частных, что для иностранных инвестиций, – это, конечно, нехороший знак для развития нашей отрасли.

Теперь по ценам. Я уже сказал, что все-таки цены, наверное, сохранятся на низком уровне в какой-то период. То, что мы сейчас видим – это период волатильности, когда они, в принципе, не стабилизировались. Они прыгнули вниз до 47–48 долларов, нащупали там какое-то дно, отскочили, рынок очень нервный, участники рынка очень нервные, они пошли вверх, дошли до 60–62, сейчас опять начинают скатываться вниз. Сколько будет вот это пилообразное движение на графике продолжаться – сказать трудно. Но это не ограничится... Некоторые говорят, что летом 2017 года это произойдет. Но я не знаю, как они это вычислили. Я знаю экономистов, которые говорят, что к лету 2017 года финансовая система России встретится с коллапсом. Тоже, конечно, непонятно, как все это дело вычислялось. Что цены на нефть, что... Сейчас мы можем только сказать, что они волатильные и они вряд ли поднимутся, как говорят саудовцы (я с саудовцами совершенно согласен) выше 100 долларов на протяжении года, а может быть, полутора или двух лет.

Ведущий. Спасибо, Михаил Иванович. Валерий Федорович, два вопроса Ваших.

Пахомов. Первый вопрос у меня такой... Я согласен с тем, что Обама не будет вызывать руководителей корпораций и давать им задание разрушить экономику России. Но дело в том, что корпорации сейчас – это не американские компании, это международные компании. И то, что сами корпорации могут договориться... Они вытеснены с российского рынка практически начисто. Там Shell чуть-чуть работает, чуть-чуть British Petroleum. Но совсем все по чуть-чуть. А в свое время после кризиса в конце 90-х годов тут вообще чуть ли не вся добыча шла благодаря им. Куча была иностранных компаний, и участие было существенней.

Так что говорить о том, что именно политическое решение принимает руководство какой-то страны против другой – это, наверное, неправильно. Но сами корпорации могут быть заинтересованы в том, чтобы зайти опять на эти рынки. Например, если экономика России будет разрушена, то, в конце концов, для того чтобы дальше ее поднимать, опять же, поскольку у нас вся промышленность находится в руинах, нужно будет бурить и добывать нефть, нефть достаточно сложная, значит, придется обращаться к западным компаниям. Вот они обратно и придут. То же самое происходит в Венесуэле. Эти компании придут в Венесуэлу, она никуда не денется, она будет приглашать их, чтобы они там добывали эту сложную нефть.

Значит, первый вопрос: может ли быть, чтобы стовор был корпораций, а не руководителей государств?

И второе замечание и, опять же, наверное, как вопрос, можно сказать. Говорить о том, что сейчас при том, что цены на нефть низкие, добыча в Штатах все равно растет... Вы сами ответили на этот вопрос частично, сказав, что действительно новое бурение, может быть, и невыгодно сейчас начинать, а вот то, что уже бурилось, туда, где уже половина вложений была сделана и где остается фактически чуть-чуть добурить, тем более, там, где уже пробурили и остаются только операционные издержки, эта добыча будет идти. И она еще довольно долго будет идти, несколько месяцев точно, два – три. Через два – через три может быть только пик этой добычи. Но дальше она резко пойдет вниз. И никуда от этого

не деться. А мировой спрос очень сильно растет. Я сказал, 50 миллионов тонн. И я готов показать, я специально эти цифры из отчета British Petroleum... К сожалению, последних отчетов нет. Отчеты печатаются в июне. Самые надежные отчеты у British Petroleum. Но до 2013 года есть полная информация, можно посмотреть. Даже в период высоченных цен на нефть было 50 миллионов в год прирост спроса.

Так что этот эффект объясним. И падение добычи нефти, конечно же, будет. Вот согласны ли Вы с этим, со вторым и первым(?) тезисами(?)?

Ведущий. Спасибо. Михаил Иванович.

Крутихин. Да, я попробую ответить. На вопрос о заговоре я, пожалуй, отвечать не буду, потому что это, в общем-то, не совсем вопрос был.

Второе. По поводу инерционности нефтяных проектов. Сланцевые, они как раз не инерционны. Их можно мгновенно прекратить и где-то через две недели возобновить, если будет удобная ситуация с ценовой конъюнктурой. А вот инерционность огромных проектов, скажем, в Мексиканском заливе, куда вложены большие деньги и остановиться уже невозможно, или те же бразильские проекты... Я думаю, что если Саудовская Аравия думала, что эти проекты она накажет каким-то образом, выпуская много нефти на мировой рынок и способствуя падению цен, то она здесь очень сильно просчиталась, поскольку у них есть из-за этой инерции очень большой запас.

Теперь насчет мирового спроса. Если посмотреть, а где спрос у нас растет, у нас спрос на нефть растет в двух местах – это Китай и Индия.

Пахомов. И Штаты.

Крутихин. Ну, в Штатах, я бы сказал, во-первых, они очень сильно сократили свой спрос на нефть и, в принципе, они его все больше и больше удовлетворяют собственными средствами. А вот китайцы замедляются. И сейчас, по новым прогнозам, я думаю, может быть, у них будет не такая острая необходимость в нефти, как была раньше.

И второе – это Индия. Она вообще в рецессии скорее всего тоже будет очень сильно замедлять свой экономический рост. А я не знаю таких точек. Вы посмотрите в Европе. Моя любимая Дания, она вообще без нефти и газа сейчас обходится. Сплошь альтернативные и возобновляемые источники. Та же самая Норвегия очень счастливо продает свой газ и свою нефть куда попало, а всю электроэнергию производит на гидростанциях, да еще и торгует ею.

То есть в Европе, когда мы говорили: «О-о-о, там ничего не получится...» Знаменитая программа «2020» – к 2020 году 20%... Они уже, по-моему, сейчас почти выполняют. Они подходят, там уже 18% электроэнергии вырабатывается из альтернативных и возобновляемых источников. Издевались, издевались, а на самом деле посмотрите, что происходит. Как мы рассчитывали, как Миллер заверял, извините, нашего президента, что к 2020 году Европе потребуется 200 миллиардов кубометров газа в год и мы удовлетворим этот спрос. Оказалось, что не нужно совершенно Европе такого количества этих миллиардов. Если и потребуется, то, может быть, 30, и эти 30 они получают за счет сжиженного природного газа. Россия опять не у дел оказалась.

То есть вот эти расчеты на то, что везде растет спрос... Я бы не торопился с этими прогнозами.

Спасибо.

Пахомов. Можно возразить?

Ведущий. Ну давайте, возразите.

Пахомов. По поводу Европы. Да, конечно, энергосберегающие технологии работают, но, я говорил, правда, они не работают в нефтехимии, которая, тем не менее, существует – дорожное строительство и т. д. Но даже в Европе потребление нефти в последние годы не сбавлялось, а росло при этом, при том, что там Дания и прочие сильно развивали программы энергозамещения.

Ведущий. Спасибо. Ну наконец хоть что-то похожее на диспут...

Жен. Я хотела бы дать какую-то информацию по нефтедобыче в Канаде.

Ведущий. У вас будет возможность выступить.

Жен. Поэтому у меня вопрос один. Учитываете ли вы это?

Ведущий. Нефтедобычу в Канаде, я правильно понял?

Жен. Нефтедобычу и объемы экспорта нефти в Канаде, и чувствительность к этому?

Муж4. У меня вопрос к Крутихину. Я одного не понял, почему в Америке можно извлекать такой дешевый сланцевый газ и сланцевую нефть, очень гибко, там 1600 компаний, а в Европе или у нас (или вообще в других странах) не получается? Она святая какая-то или там особенность людей или особенность природы?

Муж5. Меня немного удивило, что ни слова не сказали про историческую цену на нефть за какой-то период. Из чего делаются выводы о том, что тренд переломится достаточно быстро, если, скажем, с 1980 года до 2000-го 20 лет цена никуда не росла и болталась на достаточно низком уровне?

Ведущий. Это к обоим вопрос, правильно я понимаю?

Муж5. Кто захочет.

Лисицин. Лисицин Евгений Николаевич, РАН ХИТС. Почему у нас при падении цен на нефть растут цены на бензин?

Анна. Я хочу задать вопрос. Много говорили о том, что сейчас падают цены на нефть, но не сказали причину. Это же какой-то геополитический фактор! Потому что даже... И еще один вопрос я хотела бы задать. Зачем вообще добывают сланцевую нефть, если в Америке хорошо развита традиционные способы добычи? И если добывается эта сланцевая нефть...

Ведущий. Аня, это уже третий вопрос. Давайте остановимся.

Муж3. Я только вопрос не понял, сам вопрос.

Муж. Зачем добывать сланцевую нефть, если есть другая?

Данилов. Юрий Данилов, Экономфак, МГУ. У меня вопрос, как влияет на движение цены на нефть тот факт, что она сейчас складывается на деривативном рынке, на рынке срочном? И как этот рынок способствует движению цен вверх и вниз? То есть куда, в какую сторону он больше влияет?

Ведущий. Спасибо, Юрий Алексеевич.

Юнтис. Юнтис Генрих, ВШЭ. Коллеги, подскажите в продолжение вопроса, нужно ли что-то делать, чтобы цена на бензин падала, когда цена на нефть падает? И что нужно делать? Или, может быть, в принципе, не нужно делать?

Ведущий. Спасибо. Все? Не может быть!

Амбросов. Малик Амбросов, ВШЭ. У меня есть вопрос о денежной политике США, поскольку она играет роль - достаточно вспомнить, что в половине 80-х тогдашнее падение цены на нефть совпало с серьезным ужесточением денежной политики в США, которая, конечно же, вызвала много разных эффектов, но в конечном счете понизило спрос на нефть.

Дружинина. Добрый день. Спасибо большое за выступления. Дружинина Александра, экономфак МГУ. Хотелось бы спросить еще раз, чтобы оба оратора как-то подытожили и высказали свое мнение по поводу прогнозов дальнейших.

Ведущий. Вас какая дата интересует?

Дружинина. Давайте ближайшие 2-3 года. Экономика России. Как цены на нефть повлияют на экономику России, если они продолжат оставаться на достаточно низком уровне? Спасибо.

Нангова(?). Нангова(?) Наталья, экономический факультет. Сейчас весь мир ждет информации по запасам из США. Если запасы не совсем предложения, то как это связано, почему цены на это реагируют, вы могли бы пояснить?

Чехул. Чехул Людмила. Я извиняюсь, я только что пришла с семинарского занятия, но вопрос у меня все равно есть, конечно же. Скажите, пожалуйста, в перспективе – может быть, даже в краткосрочной перспективе, но интересно и про долгосрочную перспективу – какие факторы будут доминировать при формировании цен на рынке нефти: геополитические или экономические?

Андрей Александрович. Я совсем не специалист в этом вопросе, поэтому, может быть, вопрос будет дилетантский. Насколько технологии добычи сланцевой нефти экологически безопасны? Причем, не на коротком горизонте, а на длинном горизонте. Условно говоря, то, что они делают с этими пластами, это не будет приносить на горизонте 10-15-20 лет неких серьезных последствий, которые нам с вами потом придется компенсировать многими миллиардами долларов. Поэтому и спрашиваю.

Ведущий. Если это совсем все... Вы уже задавали вопрос. Нельзя, хватит. Молодежь если бы задавала вопрос, я бы с удовольствием добежал и вручил бы микрофон.

Приступаем к ответу. Первый Михаил Иванович отвечает.

Крутихин. Хорошо. Я насчитал 13 вопросов. Первый вопрос был про Канаду. Я сразу могу сказать, что не знаю. Я знаю только, что у канадцев очень серьезная видится озабоченность того, что они проигрывают конкуренцию американцам. У американцев себестоимость добычи нефти (что сланцевой, что обыкновенной) гораздо ниже, чем себестоимость добычи нефти из так называемых нефтяных песков и т.д. Вчера я даже услышал в какой-то телевизионной передаче, какой-то комментатор сказал, что там умирающая нефтяная отрасль. Я был несколько поражен, конечно. Знаете, я 3-4 числа планирую быть в Канаде и узнать. Если вам интересно, я постараюсь им задать этот вопрос.

Второе, почему американцам можно добывать сланец, а европейцам нельзя? Смотрите, в Европе за исключением нескольких стран (как Литва, например), у них законодательство такое, там нет тети Агаты. Там добиться того, чтобы эти недра принадлежали тем самым товарищам, которым принадлежит земля, это очень трудно. И система землепользования в Европе, если вы над Европой пролетали, вы увидите – там все разбито буквально за исключением нескольких лесных массивов и т.д. Куда вы будете ставить вышки, кто согласится ставить у себя на участке эти ваши вышки? Поэтому их всего 55 вышек и есть. Большая часть их, кстати, 12 или 13 – в Польше работает. Поэтому... Законодательство, экологические проблемы, налоговые проблемы, наличие в некоторых странах просто таких пород, которые не позволяют надеяться на присутствие сланцевой нефти и сланцевого газа.

Затем по поводу тренда с 1980 года и т.д. Я не могу здесь ничего предсказывать. Если вы посмотрите на тренды цены на нефть в постоянных ценах, взятых за какой-то год, они, действительно, какой-то период были очень неподвижны. Но я помню, например, когда в 1973 году вдруг цены взлетели необыкновенно и стали аж целых 4 доллара за баррель – мир аж вздрогнул! Сейчас время совершенно другое, мы видели какие-то гигантские

скачки, и даже скачки в ценах, которые измерялись буквально тремя-четырьмя днями. При такой волатильности я бы какой-то тренд сейчас не намечал.

Насчет бензина. В нашем бензине примерно 60 %, это налоги. Это раз. Причем, налоги, связанные с экспортной ценой. Это, например, налог на добычу полезных ископаемых, который напрямую привязан к экспортной цене нефти, он исчисляется по соответствующей формуле. Так что все эти вопросы, почему бензин дорогой, надо адресовать нашему дорогому правительству и тем, кто взимает налоги. Во-вторых, если вы посмотрите в долларом выражении, то бензин очень здорово подешевел.

Ведущий. Как и все остальное.

Крутихин. Вы понимаете, если те люди, которые получают в долларах, сейчас радуются, потому что смотрите, какой дешевый в России бензин! Но это беда не только России. Например, когда в Норвегии я часто запрашиваюсь бензином, я пару раз спрашивал у владельцев бензоколонок: «Ребята, вы при таких сумасшедших ценах миллиардеры, наверное, уже со своей колонкой!». Они ржут, говорят: «Нам от бензина ничего не остается. Мы зарабатываем на сосисках, например, продаем хот-доги. Это наш основной заработок. Все остальное забирает правительство». Оно социалистическое правительство, держит высокие цены на бензин. И на этом основании проводит другие социальные свои программы. И что нужно сделать, чтобы бензин подешевел? Это вопросы... если вы помните, в 2009 году наш президент отвечал на вопросы на прямой линии, его спросили, почему бензин такой дорогой? Он сказал так: «Вы знаете, наши нефтяные компании испытывают серьезные проблемы, нам нужно всем собраться и помочь нефтяным компаниям», - это первое, что он сказал. А второе: «Если уж вы настолько зажиточны, что вы купили себе автомобиль, то уж на бензин сможете раскошелиться». Извините, это я цитирую Владимира Владимировича Путина. Поэтому это не ко мне вопрос по поводу бензина.

Теперь насчет геополитики. Вы знаете, для меня это ругательное слово. Может быть, я родился немного рано, но еще в 1980 году наши философские словари определяли геополитику как враждебную буржуазную теорию. Я считаю, что никакой геополитики вообще не существует, существуют интересы конкретных групп людей, которые они либо преследуют, либо состязаются с другими группами людей за преследование своих интересов. Геополитика – вы мне сразу скажите, какая группа чего добивается, каких целей? Мы занимаемся консалтингом, у нас первая задача, когда нам ставит задачу наш клиент, это определить, кто принимает решения. Это не геополитика, а конкретные люди, которые принимают решения по нужной проблеме, второе, определить мотивацию этих людей, почему они это делают и как можно поменять их мотивацию. И третье, уже можно дальше работать. Вот есть группа людей, есть их мотивация.

Затем, зачем добывать сланцы, если есть традиционные? По деньгам! Если видят, что это выгодно, то можно добывать и сланцевую нефть, газ и т.д.

Затем деривативы. Ой, какой это больной вопрос! Вы знаете, на семинаре ИММО последнем и не только на нем этот вопрос возникал. Я как-то сразу ополчился на эту теорию, что, оказывается, люди, оперирующие фьючерсами нефтяными, деривативами, то есть «бумажной нефтью» так называемой, которые обмениваются на бирже в 20 раз больше (кто-то говорил, что в 600 раз больше), чем физической нефтью на рынке, они как раз вступили в заговор и это определяют. Я могу назвать аналитиков, которые об этом рассуждают, я могу назвать господина Сечина, который заявил, что необходимо ограничивать рынок фьючерсов, поскольку это они вступили в заговор, и они добились вот такой игры с ценами. Но посмотрите, два авторитетных источника. Первый, это господин Гребенцов, главный экономист ВР в России, он рассказывал, что их компания ВР провела специальное исследование, они пытались выяснить, насколько рынок

фьючерсов, деривативов и т.д. воздействует на цены на нефть и на газ. Они пришли к выводу, что ноль, по нулям, никак не воздействует. Второй уважаемый мной деятель, это Леонид Маркович Григорьев, который тоже хороший экономист, которого многие здесь знают, он рассказывал на последнем семинаре в ИМЭМО, как он в Швейцарии в компании разговаривал с представителями крупнейших трейдинговых биржевых компаний, которые занимаются трейдингом ценных бумаг. И вот они его заверяли, что ни малейшего следа манипуляций, которые могли бы привести к изменению нефтяных цен, на рынке ценных бумаг они не обнаружили, и они убедительно ему все доказали. Я как раз придерживаюсь той теории, что этим на рынок нефти невозможно воздействовать.

Про цену на нефть я уже говорил. Затем денежная политика в США, как она действует? А как же! Конечно, действует! Вот последнее падение цен на нефть не даром ассоциируют не только с тем, что повысилось предложение, сократился спрос, в частности, в Китае и в некоторых других странах, но и с тем, что в США прекратилась политика количественного смягчения. То есть это немедленно вызвало приток денег на нефтяные рынки и привело как один из факторов, не самый главный фактор...

Затем прогноз на 2-3 года. Вы знаете, где-то еще в августе-сентябре прошлого года, когда меня спрашивали, в каком коридоре могут колебаться цены на нефть, я очень любил цитировать еще одного экономиста, которого тоже многие, наверное, знают, Андрея Конопляника. Он хорошо разбирается в нефтяных проблемах. И вот у него была тогда такая теория, которую он везде пропагандировал, что существует нижняя и верхняя граница коридора. Нижняя определяется, во-первых, техническими возможностями, за сколько можно добывать нефть, и второе, это тем, насколько выдержат бюджеты главных нефтедобывающих стран, то есть Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Катара (это главная четверка). И он говорил, что ниже 80 там невозможно опуститься, потому что тогда они столкнутся с тем, что не смогут выполнять свои обязательства перед населением, у них начнутся арабские революции, арабская весна и т.д. Хорошо, очень красивая была теория. Потом вдруг, когда все это посыпалось, начали вспоминать: так что же саудовцы, как они живут в таких условиях? Мы понимаем, что очень тяжело живется Венесуэле, у которой чуть ли не 150 долларов нужно за баррель, чтобы она выполнила все свои обещания перед своим населением. Но Саудовская Аравия как? А потом вдруг выясняется, что у Саудовской Аравии есть фонд короля Халеда, есть целые кучи других фондов, и там накоплено столько денег, что где-то это 58-59 % от ВВП страны. Вот наши запасы финансовых средств, это 9,5 %, а сейчас они уменьшаются и уменьшаются. И Саудовской Аравии хватит довольно надолго этих денег для того, чтобы протянуть. Хотя там есть тоже свои моменты, которые мы недавно обсуждали со специалистами. Но это уже детали.

Затем опять краткосрочные перспективы России. Опять это геополитика. Вы знаете, краткосрочно мне очень тяжело говорить про перспективу России. Я уже объяснил, что с нефтью будет не очень хорошо, что добыча нефти должна, все-таки, по моим подсчетам начинать в этом году уже снижаться. Если так дело пойдет, то к 2020 году на 15 % добыча нефти в России может упасть. Но тут дело обостряется тем, что и с газом обстоят дела очень несладко! Потому что, если вы посмотрите на те же графики ВР в их аутлуке до 2035 года, у них показано, что внутренний спрос на газ в России не растет, у «Газпрома» добыча постоянно падает, ее отчасти замещает добыча таких компаний, как НОВАТЭК, «Роснефть», но гигантским неизвестным фактором остается спрос в Китае. Спрос в Европе на российский газ не растет! Российский сжиженный природный газ, это микроскопические проекты, которые планируются, они неконкурентоспособны, я могу это доказать в цифрах. А китайцы, извините, они сейчас сидят и ждут, когда они... цены-то упали! Если вы поговорите сейчас с газпромовцами, они в панике! Они говорят, что мы

не сможем продавать свой газ ниже себестоимости, а китайцы будут теперь требовать ниже 300 долларов за 1000 кубометров, поскольку конъюнктура изменилась на рынке энергоносителей. А нам для того, чтобы китайцам поставить нефть из Чаяндинского или Ковыктинского месторождения, нужно еще 3,5 тысячи км газопроводов построить, завод по подготовке этой нефти и газа, по изыманию из этого газа гелия и т.д. Ребята, мы будем продавать китайцам газ ниже себестоимости! Потом по тому же самому ВР китайцы столько газа не возьмут! Если когда-то бипишники говорили, что китайцы больше 30 миллиардов кубометров в год из России, просто им не нужно это, то сейчас они честно говорили в прошлом году – я еще новый прогноз не видел, этого года, обновленный, - что китайцам вообще не нужен российский газ, они без него прекрасно обходятся! Российский газ, это фактор, чтобы сбивать цены на газ из других источников.

Так что очень мрачные перспективы у энергосектора России. Если вообще про политику России, это мы с вами можем отдельно поговорить.

Теперь, как технологии влияют, какое экологическое воздействие? С первого взгляда может показаться, что это может очень опасным быть. Если посмотреть на платформы в Норвегии, платформы на месторождении Экофиск. За все время своего стояния на дне она опустилась в море примерно на 20 метров. Потому что из-под морского дна стали выкачивать нефть и газ, и там стали образовываться пустоты, и из-за этого просто, если вы посмотрите на фотографии, платформа постепенно погружалась в море. Есть подозрение, что в некоторых местах были подземные толчки, какие-то сейсмические проявления, не сильные. В частности, в Казахстане были зарегистрированы такие подземные толчки, которые приписывали некоторые специалисты выработке подземных месторождений. Доказать это опять очень трудно.

Что касается добычи сланцевого газа теми методами, которые используются в Америке, то экологического воздействия не было доказано. Не было ни одного серьезного иска ни выдвинуто, ни удовлетворено в США по поводу какого-то экологического вреда. Да, там используются какие-то растворы примерно той же вредности, что и буровые растворы, и нефтяной шлам, который используется при добыче обыкновенной нефти. Так надо их хранить аккуратно, надо на поверхности земли не разводить свинарников, чтобы это все не попало куда-то на поверхность! А когда вы на глубине километр, далеко под всеми водоупорными слоями, не касаясь водонапорных слоев, аквиферов так называемых, слоев артезианских, вы их не касаетесь. То есть эти жидкости в воду не попадают! Это надо быть очень неаккуратным разработчиком недр, чтобы что-то туда попало. Поэтому я думаю, что слухи о том, что из кранов течет черная вода, как говорил наш президент, в результате разработки сланцевых месторождений, они сильно преувеличены.

Ведущий. Спасибо. Валерий Федорович.

Пахомов. Я начну с последнего вопроса, с воздействия на экологию, на окружающую среду. Я увидел в телевизионной программе, что этой ночью (где-то в час с чем-то должно начаться) будет фильм по «России-1» про то, как вредна добыча сланцевой нефти. Мне стало интересно, несмотря на то, что сегодня нужно было подготовиться немного с утра к докладу, я посмотрел. Фильм показали в третьем часу ночи, там задержка была большая. Первое, что там было, сильнейшее экономическое воздействие и то, что машины, которые начали ездить там, сбили несколько коров, и фермеры пострадали. Дальше там рассказывали про воду, которая там появилась. В колодцах вдруг вода стала газированной и сильно соленой. Потом, третье, это были как раз землетрясения. Первое и второе, это понятно, но третье, это совершенно объяснимо! Ведь, на самом деле, основные месторождения расположены на линии геологических разломов. Там и происходят землетрясения, извините меня! Поэтому там, где нефть, там и землетрясения. Это вовсе не оттого, что нефть добывают. Просто сопоставить в себе ту энергию, которая нужна для

того, чтобы произвести землетрясение, с тем, что там может делать буровая скважина или откаченная из пласта нефть... даже смешно.

Дальше, цена на нефть в 80-е годы. Говорят, что она была стабильной. С этим я категорически не соглашусь! У меня есть просто с собой статистика, мы ее можем посмотреть при желании отчет ВР. Там были такие же циклы, они хорошо прослеживались. Другое дело, что добыча тогда была довольно дешевой, и нефть была доступная. Поэтому таких амплитуд колебаний не было, когда они были. Обычно эти колебания все равно, если проследить, чуть ли не с 50-х годов довольно четко видны по графикам цены на нефть.

Что там еще говорилось? Как воздействуют запасы в Штатах? Почему запасы нефти в Штатах так сильно воздействуют всегда на цену, почему все так ждут информацию об изменении запасов? Не путайте, это не запасы нефти в земле, которые тоже, кстати, там разные, речь идет не об извлекаемых запасах нефти и не о доказанных запасах нефти, а о стратегических запасах и коммерческих запасах. Они очень большие. В США стратегические запасы составляют примерно 1 миллиард баррелей. А коммерческие запасы составляют примерно 450 миллионов баррелей, тоже очень большие цифры. И каждый раз, когда цена на нефть падает, коммерческие запасы и стратегические пополняются. А дальше все ждут. Вот цена на нефть поднимается. Сейчас что сделают Штаты? Вывалят они эту нефть на рынок или не вывалят? Вывалят – значит цена удержится или опустится. Потому что у них ее очень много, они могут сильно воздействовать на рынок. И, кстати, если говорить о добыче и потреблении Штатов, то США обеспечивают себя собственной добычей на 62-63 %. В разные годы по-разному. Но сейчас в связи с тем, что она сильно поднялась, где-то дошло примерно до 65 %, может быть, в пик. Но остальное все равно за счет импорта! Не знаю, превзойти они вряд ли могут, у них спрос на нефть в связи с тем, что цены невысокие, растет очень быстро, а прирост гораздо меньший. И я думаю, что сейчас в связи как раз с низкими ценами прирост добычи сильно замедлится.

Что еще там было? А, зачем добывать сланцевую, если есть традиционная? Было правильно отмечено, что все зависит от того, что дороже в данный момент. Традиционные тоже бывают очень трудноизвлекаемыми, сложная нефть бывает, трудно транспортируемая и т.д. Сланцевая нефть, которую сейчас добывают, она то, что я называю, «сливки». Это как раз те пласты, где довольно быстро можно поднять добычу. Но я еще раз повторяю, что, конечно, поднять можно достаточно резко эту добычу, но дальше она также резко и падает. Поэтому эффект этот кратковременный. Стоит только перестать бурить, как сразу же пойдет сильное падение добычи нефти. Поэтому насчет сланцевой нефти все не так просто.

Насчет Канады. Канада обладает очень большими запасами нефти, это всем известно. Но практически вся эта нефть трудноизвлекаемая. Во-первых, посмотрите, где она расположена – это такие районы, что ой-ой-ой, там Ямал наш примерно то же самое. Так что с добычей нефти там... Они, конечно, играют роль, потому что Канада добывает прилично.

Почему бензин не дешевеет, когда падает цена на нефть? Понятно, сказали уже, что речь идет о нашем законодательстве. Я приведу в связи с этим результат расчетов, что такое налоговая составляющая в нашей нефти, если берем нефть 100 долларов за баррель, и смотрим, какие издержки, какова там будет прибыль. Так вот налоги составляют до 69 % от этой стоимости. Со 100 долларов, которые получены за баррель, 69 идут в налоги. За исключением тех случаев, когда там есть льготы.

Будет ли добыча держаться на таком высоком уровне? Конечно, здесь много факторов. Во-первых, какая будет цена на нефть? То, что у нас, действительно, много

сложных запасов, та же самая Баженовская свита, это чертовски дорогая добыча. Но все зависит от того, какая цена на нефть! А если цена космическая, то и эту нефть будут добывать. Так что всему свое время, как говорится. Пока время низких цен, будут добывать ту нефть, которая дешевле. Когда эта нефть исчерпается, цены будут повышаться, и придется добывать ту нефть, которая дороже. Нельзя сказать, что технологически нельзя решить. Какое-то время я проработал начальником управления собственного сырья в «Сибуре», мы пытались создать вертикально интегрированную компанию. В то время я изучал как раз, можно ли добывать нефть из Баженовской свиты, потому что Ачимовская и Баженовская нефть была основным источником для «Сибура», предполагалось.

Ведущий. Через 3 года какая будет цена? Завершите этим.

Пахомов. Я думаю, что цена через 3 года будет не ниже 80 долларов за баррель. Плохо это или хорошо? Наши бюджеты (нашей страны) практически все формировались при расчете цены в 60-65 долларов за баррель. Да еще недавно 35 долларов за баррель.

Ведущий. Сотня была.

Пахомов. Это совсем недавно. Но когда ты, кстати, там был государственным деятелем, тогда 35-60 долларов, 20 долларов. Так что нам не привыкать к таким вариантам. Я хочу сказать, что сейчас просто с жиру бесятся у нас в государстве, и каждый старается оторвать кусок послаще. На самом деле, можно при 60 долларах за баррель жить прекрасно.

Ведущий. Более чем. Спасибо за этот оптимистичный вывод. Итак, мы переходим к выступлениям. У нас еще примерно 17-18 минут. Поделитесь между всеми желающими выступить. 2 человека, все? Тогда докладчики подольше поговорят. По 3 минуты хватит вам?

Людмила Алексеевна. Это как скажете. Меня зовут Людмила Алексеевна, зав.сектором Института США и Канады РАН. Я бы не сбрасывала Канаду как элемент той гибкости для отрасли, о которой вы говорили. Пункт первый, канадская нефтегазовая промышленность, о ней надо знать. Потому что это часть интегрированной североамериканского энергетического рынка в значительной мере. Пункт второй, она по доказанным запасам третье место. Это те самые битуминозные пески, это дорого, инерционно, это долго. Но это было начато. Те самые 12, 10, 7... И последние 7 лет то, что называется «лихорадка нефтяных песков». И многие проекты выходят на проектную мощность и становятся финансово выгодными, рентабельными. В прошлом году они были в эйфории, к лету они произвели 4,5 миллионов баррелей в день (я не буду в тысячах тонн, меня это пугает). Из них 3,25 уходят в США. Еще нужно учитывать, что точных данных нет, но примерно 60 % добычи в Канаде, это американские компании. Разница в том, что сланцевая нефть, это масса мелких, oil sense by definition, то есть по определению эти битуминозные пески долгосрочные, капиталоемкие. Но у них есть один хороший плюс, а это именно уж коли они... если поверхностное залегание, то это дешевле, это вывозится и производится синтетическая нефть. И до глубинного залегания, то есть это добывается в глубине, это два разных типа. И цена отсечения тоже для тех и для других разная. И вообще, цены отсечения, миллиард их. Среднее, это как средняя температура по больнице, и это вообще большой секрет, в общем-то, каков уровень цены, при котором умрут проекты. То, что вы сказали вчера, это Леонтьев. Он очень сильно обиделся за «Роснефть» и дал некорректный, несколько политический комментарий, сказав, что от того, что «Эксон Мобил» отказался от совместного проекта вместе с «Роснефтью», а он действительно сейчас не рентабелен (и не только сейчас, а видимо, в очень обозримой перспективе), то есть они сами отказываются...И он вчера сказал некорректно, что нефтегазовая отрасль Канады в предсмертном состоянии, а отказались мы от покойника.

Проект-покойник, это правда (может быть, в коме, скажем так, и может из нее выйти), а вот с предсмертным состоянием, это большое преувеличение, которое я могу списать за то, что... Кэмерон сказал, что: «Мы должны разрушить и мы разрушим российскую экономику», - он сказал еще в начале мая. Хартон, канадский премьер-министр, подхватил в конце мая: «Мы должны разрушить и разрушим». И, как известно, Обама порвал в ключья российскую экономику. Так что это такая эмоциональная реакция.

Вывод. Учитывать канадскую нефть и канадский сегмент в значительной степени интегрированного комплекса. То есть если там «Шейл», и если «Шейл» исчерпаем, как конечный вывод, то битуминозные пески, они там, и плюс их в том, что коли дорыли, то это будет десятилетиями, они предсказуемо почти неисчерпаемы, как считают...

Ведущий. Как атом?

Людмила Алексеевна. Нет, конечно. Они физически исчерпаемы. И все-таки, в нефтегазовом языке это практически такие... уж коли вложено...

Ведущий. Спасибо. Хотя в Канаде все хорошо. Все, скажите нам как автор грабительского законопроекта.

Муж4. Сам законопроект, о котором Путин в 2000 году говорил, что он должен стать краеугольным камнем российской инвестиционной политики, так что у него цитаты можно и прямо противоположного свойства найти. Обама порвал в ключья – это неправильный перевод, уже об этом много опубликовано. Серьезные проблемы, действительно, но так перевели эффектно.

Вообще, в данном случае я пойду даже дальше докладчиков, которые умеренно говорили о заговорах. Один говорил о том, что заговоры, это в сущности ценовая конкуренция, а Михаил Иванович говорил о том, что он вообще в это не верит. Хотя когда-то ОПЕК на что-то влиял в 70-е годы. Я думаю, что и в 70-е годы толком ни на что не влиял, было можно рассказывать и про историю эмбарго. И как всегда, в 1971 году пытались ввести эмбарго, и ничего не получилось. Поэтому, когда переламаывается тренд в спросе и предложении, тогда высказывают люди, которые говорят: «Вот это мы все и сделали». Это та самая история про петуха, который прокукарекал, и рассвет наступил. Это далеко не всегда соответствуют действительности. Хотя, действительно, кое на что влияет. Поэтому экономика экономикой, а заявления заявлениями. И американские, и западные вообще компании, которые в это время страшно радовались – не меньше арабов – росту нефтяных цен, им было чрезвычайно выгодно повесить на арабов всю эту историю, потому что на бензоколонках начали возникать километровые очереди, и для репутации нефтяных компаний это совершенно было не нужно. Поэтому это очередной миф, который сложился.

С графиками воевать, мне кажется, не праведное дело. Если вы посмотрите внимательно на этот график относительно цен, в том числе на график ВР, о котором вы говорили, то вы увидите эту 20-летнюю яму. Тем более было странно слышать в последнее время, что никто не рассчитывал, что так низко упадет, потому что, в сущности, цена опустилась примерно в ту зону, где она была с 1980 по 2000 год. Поэтому некий нормальный, я бы сказал, уровень цен. Кудрин в 2005 году пугал всех 50-60 долларами на протяжении длительного периода. Так что на наркотике арабских войн, арабских революций продержались, на цунами на Фукусиме какое-то время. Но сколько веревка не вейся, нельзя же... естественно, и действие наркотика кончается когда-нибудь. Поэтому я достаточно пессимистично смотрю на будущее. Вот эта история со сланцевой нефтью, это история с ванькой-встанькой. Потому что понятно, что как только цена будет высказивать за 60 долларов, на рынок будет вываливаться в течение месяца достаточно большое количество нефти. Мы все время тычем пальцем во все стороны и говорим: «Смотрите, у них ничего не растет, поэтому мы не так уж хуже всех остальных». Но если

у них ничего не растет, с какого рожна у них должен расти тогда спрос? Тем более, что Европа уже на протяжении длительного времени научилась даже экономический рост обеспечивать при снижении спроса на энергию.

Как бы так, очень коротко. Спасибо.

Муж5. Можно еще сказать? МГУ, * экономики

Ведущий. Хорошо, скажите. Сегодня либерализм полный.

Муж5. Знаете, я послушал здесь то, что говорил Крутихин насчет того, что рынок ценных бумаг не оказывает какого-то серьезного влияния на цены. Это противоречит тому, что говорили многие до этого в американском конгрессе и у нас экономисты разные, например, Гайдар. Я так просто назову. Не потому, что он самый авторитетный, а просто из известных людей.

И если это так, то мне тогда не очень понятно, почему нельзя прогнозировать хотя бы в краткосрочном плане цены на нефть? Вы знаете все месторождения, вы знаете, как меняется спрос – это достаточно известно, - как меняется экономика. Мне кажется, что нефть, это как раз тот товар, который, наоборот, было бы легче прогнозировать, чем многие другие. Тем не менее, есть такая легенда, что цены, это абсолютно не предсказуемо. Это, мне кажется, непонятно. Или люди не заинтересованы в том, чтобы давать точные прогнозы, или что-то другое. Ведь многие компании заинтересованы в том, чтобы иметь такие прогнозы. Мне это непонятно.

Ведущий. Спасибо большое.

Муж. Рост в Китае ты прогнозировал тоже? А Фукусиму?

Ведущий. Сейчас будет диспут, похоже. Мы переходим к заключительной стадии.

Муж3. Я напомним тут одну вещь, которую, наверное, все и так знают, но нужно держать в оперативной памяти. Есть такой специалист по нефтяной отрасли, Вагит Юсуфович Алекперов. Так вот, на вопрос о том, что с ценами на нефть, он отвечает обычно так: «Цена, она от бога».

Ведущий. Все, да? Мы переходим к последней стадии нашего диспута, а именно к заключительным словам. Сначала Валерий Федорович скажет. У вас несколько минут есть, вы можете подытожить то, что сегодня слышали, что сегодня говорили, может быть, отреагировать на выступления. Пожалуйста. А потом Михаил Иванович.

Пахомов. Кстати, вот вспомнился вопрос, который я забыл, про фьючерсы и их роль, играют они или нет. На самом деле, конечно, фьючерсы играют важную роль. И то, что там заключаются, перезаключаются контракты постоянно и торгуется гораздо больше нефти, чем реально потом продается, это связано с тем, что с помощью фьючерсов как раз и нащупывается та самая цена, которая потом становится спотовой. Если бы этой торговли не было, я думаю, что хаос был бы очень большой. Так что как раз очень даже полезна эта торговля деривативами. В общем, фьючерсы играют очень важную роль.

В целом, я хочу сказать, что мне было очень интересно, я давным-давно не был в университете. Когда-то я здесь преподавал, вот есть мои даже бывшие студенты, мне очень приятно с ними встретиться. Вот есть мой оппонент на защите диссертации Яша Паппе, тоже очень приятно его видеть. И вообще, атмосфера университета, я чувствую, сохранилась. И это мне жутко приятно. Кроме того, я надеюсь, по крайней мере, что то, что мы сегодня говорили, обсуждали, это достаточно интересно для всех. А кто захочет этим заниматься серьезно, пожалуйста, давайте, включайтесь. Я, например, готов предоставить и материалы, и все, что угодно.

Наконец, я забыл ответить на один вопрос по поводу цен, когда мы разоряемся, а когда нет. Я провел расчеты для двух компаний по их заказам, какова точка безубыточности. Вот если компания работает 100 % на экспорт в Восточной Сибири, то для нее сейчас точка безубыточности 23-25 долларов за баррель.

Реплика. Экспорт в Европу?

Пахомов. 100 % на экспорт.

Крутихин. Восточная или Западная Сибирь?

Пахомов. Восточная.

Ведущий. А куда экспорт?

Пахомов. Экспорт там в Китай идет и на другие страны – в Японию и т.д. было рассчитано.

Ведущий. Азиатский регион или Находка...

Пахомов. Теперь, значит, если компания работает только на внутренний рынок, то цена 6 000 рублей за тонну тоже делает работу компании безубыточной. Представьте себе, что если по нашему законодательству 40 % идет на экспорт, а 60 % должно продаваться на внутреннем рынке, при этой пропорции какова точка безубыточности. В общем-то, при нынешних ценах жить можно очень даже неплохо, даже при этом нашем дурном законодательстве и жутко противном налоговом маневре.

Ведущий. Спасибо. Михаил Иванович.

Крутихин. Насчет того, при каких ценах жить можно, я все вспоминаю, когда нефть упала до 9 долларов за баррель, был такой деятель в компании ТНК - Семен Кукес, он говорил: «Да мы и на 7 долларах совершенно спокойно можем работать, так что никаких проблем не будет». Я не знаю, если сейчас посмотреть среднее по такой гигантской компании, как «Роснефть», то сами они признаются, что у них себестоимость, учитывая все накладные расходы на содержание корпоративной структуры, инвестиционные программы и т.д., естественно, зарплату Сечина и много чего другого, это где-то 37 долларов за баррель у них получается. В Саудовской Аравии такие же накладные расходы – где-то 20 долларов уже. Это прошло то время, когда можно было пальцем ткнуть в песок пустыни, оттуда забил фонтан нефти и самотеком пошел в танкер. Были такие моменты когда-то, а сейчас это, кстати, один из факторов. Та же Саудовская Аравия, почему мы не можем очень точно прогнозировать цену на нефть? Посмотрите, никто толком не знает, сколько у Саудовской Аравии, у главного игрока, в общем-то, сейчас на рынке, сколько у нее нефти вообще осталось, и что это за нефть. Потому что где-то в 1985 году они вдруг неожиданно повысили оценку своих запасов, как и все остальные члены ОПЕК, в 2-3 раза. Откуда что взялось, никто понять не может. Сейчас в Саудовской Аравии есть, фактически, три месторождения, которые находятся не в падающей стадии добычи, есть одно – Гавар, - самое большое, оно с 1958 года в эксплуатации, там падает добыча. И есть месторождение, которым пытаются заткнуть дыру в падающей добыче, это Манифа. Но там очень тяжелая нефть, которую очень трудно добывать, она содержит ванадий, его надо извлекать из этой нефти. И сколько сейчас еще Саудовская Аравия продержится на этих своих немногих месторождениях, пока это большой вопросительный знак! Не исключено, что она тоже к 2030-35 году станет нетто-импортером нефти. Нефтепродукты она уже импортирует. Я помню, как в Сирийском порту Хардуз я на складе увидел банки с машинным маслом, и мне сказали, что это предназначено для Саудовской Аравии, чтобы перевозить потом на грузовиках через пустыню. Я говорю: «А где произвели?» - «В Румынии». Когда Саудовская Аравия покупает машинное масло в Румынии, это что-то, может быть, даже неладное в самой стране.

Затем, большая неясность с тем же самым Китаем. Вы посмотрите, вроде бы, в эти дни они должны начать вторую стадию программы заполнения своих стратегических резервов нефти. Вот первая стадия у них прошла. И завершение той стадии тоже, как завершение количественного смягчения, совпало с падением цены на нефть. Все говорили, что это тоже стало одним из факторов, когда уменьшился спрос. Вот сейчас сколько Китай будет закупать нефти, по каким ценам? Тогда он закупал для своего

стратегического резерва по максимальным ценам, сильно на этом обжегся, надо сказать. И как он повлияет на эти цены, тоже предсказать невозможно. Потом, Китай говорит: «Я через несколько лет в 30 раз увеличу добычу нефти и газа из сланцевых пород». А черт его знает! Китайцы, они такие, они могут и увеличить. То есть я говорю о непредсказуемости совершенной, абсолютно.

Пахомов. Запасы не велики.

Крутихин. Если посмотреть на планы наших компаний - иногда они, мягко говоря, не совпадают с действительностью. Когда мы смотрим темпы добычи у той же самой «Роснефти» и темпы намеченного экспорта в Китай, то мы видим, что в Китай и в другие страны, например, в 2018 году намечено экспортировать 210 миллионов тонн нефти, а компания сейчас добывает немного меньше. Как она к 2018 году повысит свою добычу до 210 миллионов тонн? Тут тоже либо вранье какое-то, либо очковтирательство, мы просто не знаем. Потому что такой статистики, которая позволила бы с уверенностью делать прогнозы хотя бы на полгода, ее просто не существует.

Ведущий. Спасибо большое. Давайте поблагодарим наших участников сегодняшнего диспута. Спасибо большое, приходите к нам почаще. Следующий диспут 19 марта, ждем всех вас.